

Э. Г. КРОСС

**ПОЕЗДКИ КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ
В ВЕЛИКОБРИТАНИЮ (1770 И 1776—1780 ГГ.)
И ЕЕ "НЕБОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОРНУЮ
ШОТЛАНДИЮ" (1777)**

1

Страстная дружба между двумя Екатеринами — молодой императрицей Екатериной II и еще более юной княгиней Дашковой — охладела в первые же годы нового царствования. Императрицу раздражала преувеличенная уверенность Дашковой в своей роли наиболее находчивой и деятельной ее сторонницы, а княгиня была возмущена растущим влиянием Григория Орлова, которое тот отнюдь не скрывал. Овдовев в 1764 г. в 21 год, Дашкова в следующем же году переехала в Москву, чтобы начать там уединенную, строго экономную жизнь. Однако желание странствовать и мечта дать своим детям европейское образование побудили ее в конце 1769 г. выехать из России и совершить путешествие сперва через Пруссию в Берлин, затем в Спа, откуда ей предстояло отправиться в Англию.¹

За несколько лет до этого она говорила британскому послу в России: «Как это я не родилась англичанкой? Я обожаю свободу и пылкость этого народа»,² и такой восторг поддерживался положительными отзывами об Англии ее старшего брата Александра Воронцова, когда он был русским послом в Лондоне. Однако едва ли в ходе первого ее европейского путешествия состоялась бы поездка в Англию, если бы еще во время пребывания в Спа у нее не завязались некоторые новые и важные знакомства. Там она, в частности, встретила двух ирландок — миссис Кэтрин Гамильтон, дочь тьюамского епископа и вдову ирландского священника, и миссис Элизабет Морган, дочь генерального прокурора Ирландии, и обе они стали ее

¹ В посвященной Е. Р. Дашковой специальной монографии в серии «Страницы истории нашей родины» о ее путешествиях в Великобританию говорится весьма кратко (См.: *Лозинская Л. Я.* Во главе двух академий. М., 1978. С. 42—43, 65—67; 2-е изд. М., 1983. С. 42—43, 65—67).

² The Dispatches and Correspondence of John, Second Earl of Buckinghamshire, Ambassador of the Court of Catherine II of Russia: 1762—1765. London, 1902. V. 2. P. 38.

близкими и дорогими подругами. К тому же она познакомилась с доктором Джоном Хинчклифом, епископом Питерборо, и вскоре заручилась его согласием перевести проповедь архиепископа Платона о русской морской победе при Чесме на английский язык через французский перевод.³ Именно Хинчклиф рекомендовал ей Вестминстерскую школу, которую прежде возглавлял, как подходящее место для обучения ее сына Павла, и, таким образом, она покинула Спа в конце сентября 1770 г. с твердым намерением последовать его совету.

Назвавшись госпожой Михайловой, соответственно моде на инкогнито, начало чему положил еще Петр Великий, которому подражали бесчисленные русские путешественники 1770—1780-х гг., Дашкова с двумя детьми и гувернанткой П. Ф. Каменской приехала в Лондон, поселилась в Джентльменской гостинице и начала посещать светские визиты, готовясь одновременно к двухнедельной поездке в Западную Англию. Ранним утром 15 октября в сопровождении дочери, гувернантки и двоюродного брата Ивана Алексеевича Воронцова (который был связан с русским посольством в Лондоне еще в 1750-е гг.), но без сына, оставленного, видимо, для занятий, княгиня покинула столицу Англии и пустилась в странствия, которые последовательно привели ее в Гилфорд, Портсмут, Саутгемптон, Солсбери и, наконец, в Бат. Из Бата она совершила поездку в Бристоль и из Бата же вернулась обратно через Вудсток, Оксфорд, Виндзор и Хэмптон Корт. Пять лет спустя она опубликовала описание этого путешествия — первое сообщение такого рода в русской печати.⁴ В нем ясно отразился ее восторг по отношению ко всем сторонам английской жизни, начиная с формы правления: «Англия мне более других государств понравилась. Правление их, воспитание, обращение, публичная и приватная их жизнь, механика, строение и сады, все заимствует от устройства первого и превосходит усильственные опыты других народов в подобных предприятиях». ⁵ Когда она посещала поместья лорда Клайва в Клермонте, почтенного Чарльза Гамильтона в Пейнхилле близ Кобема, лорда Пемброка в Уилтоне, лорда Веймаута в Лонглите и герцога Мальборо в Бленхейме, ей чувствовалось, что нужен эпичекий поэт, дабы отдать должное великолепию пейзажных парков. Пренебрежительно отзывалась она о знаменитом соборе в Солсбери: «...здание сие преогромное Готической архитектуры; однако отменно примечательного ничего не имеет, кроме древности своей и живописи в сводах...»; зато ее очаровали «остатки древнего храма Друидов» в Стонхендже. ⁶ Она постоянно посещала музеи, фабрики, лавки, и ее особенно поражало, что даже в самых маленьких деревушках можно было

³ An Oration Preached by Order of Her Imperial Majesty, on the Tomb of Peter the Great, in Cathedral Church of St Petersburg. London, 1770.

⁴ Путешествие одной Российской знатной Госпожи по некоторым Англинским провинциям // Опыт трудов Вольного Российского собрания при имп. Московском университете. 1775. Ч. 2. С. 105—144.

⁵ Там же. С. 106.

⁶ Там же. С. 117, 119.

купить все необходимое. Два города, где она останавливалась дольше всего и описала их наиболее подробно, — Бат и Оксфорд. Ее пребывание в Бате было заполнено посещениями галереи минеральных вод, концертов, вечеринок и на страницах ее записей запечатлены типичные представители светского общества того времени: леди Керри, герцогиня портландская, герцог нортумберлендский, друг ее епископ Питерборо, знаменитый доктор Листер и даже Федор Лудрес, в прошлом служащий русского посольства, который, выйдя в отставку, поселился в Бате. Находясь в Оксфорде, она встретилась с возглавляемой инспектором Василием Никитиным группой русских студентов, учившихся в разных колледжах университета.⁷ В церкви Христа ее любезно принял декан Вильям Маркем, который в первый же день провел ее по своему колледжу, а по некоторым другим — на следующий день, когда она также посетила Музей Ашмола, издательство Кларендон и Бодлианскую библиотеку, где ознакомилась с хранившимися там русскими рукописями. Перед отъездом из Оксфорда в Лондон ее, как она писала, посетил «Канцлер Университетской с жезлом своим и в мантии и во всем церемониальном виде, которой именем своим и всего Университета поднес мне книгу с эстампами всех у них хранящихся статуй и барельефов древних, которую честь, сказывают, редким приезжающим делают».⁸

После возвращения в Лондон вечером 29 октября ей еще предстояло провести в Англии около двух недель и дать возможность весьма любопытному Хоресу Уолполу внимательно рассмотреть ее у герцогини нортумберлендской: «Что ж! я видел княгиню Дасчоф, и вполне стоит на нее посмотреть — не за внешность, хотя совершенная татарка, она отнюдь не уродлива; улыбка ее приятна, но глаза сверкают самой катилинской яростью. Ведет она себя необычайно открыто и непринужденно. Она говорит на все темы, причем легко и без навязчивого педантизма, очень быстро и очень живо. Она не снисходит до забот о нарядах и всяких женских хлопот и в то же время нежно и мило поет приятным голосом. Она и сопровождающая ее русская дама спели две народные песни, весьма музыкальные; одна была печальной, а другая веселой, но с очень нежными переливами, и обе весьма напоминали венецианские баркаролы. Она немного говорит по-английски и свободно понимает; французский язык ей вполне привычен, и она знает латынь».⁹

Упомянув слова Дашковой, обращенные к какой-то даме после посещения собрания квакеров, как «пример ее сообразительности и способностей», Уолпол заключает, что «она — особа весьма необычная». Но к тому времени, когда ему довелось увидеть ее вновь в конце ее второго посещения Англии, восторг его значительно остыл. В промежутке между этими двумя посещениями Дашкова продолжа-

⁷ См.: Cross A. G. «By the Banks of the Thames»: Russians in Eighteenth Century Britain. Newtonville, Mass., 1980. P. 92—117. (Ch. 4: Russian Students at Oxford and Cambridge).

⁸ Путешествие одной Российской знатной Госпожи... С. 141.

⁹ Horace Walpole's Correspondence/Ed. by W. S. Lewis. London, 1967. V. 23. P. 248—249.

ла свои странствия и очень сблизилась в Париже с Дидро, который тем не менее заметил: «Она весьма расположена к английской нации, и я немного опасаясь, как бы такое пристрастие к этому антимонархическому народу не помешало бы ей верно оценить его преимущества». ¹⁰

Поехав на юг со своими ирландскими подругами, Дашкова провела зиму в Экс-ан-Прованс, а следующей весной отправилась в Швейцарию и в Ферней на встречу с Вольтером. В Россию она вернулась в 1773 г., но вскоре начала экономить средства для новой поездки в Великобританию, чтобы отдать сына в Эдинбургский университет

2

В октябре 1776 г. Дашкова вновь приехала в Лондон, на этот раз уже не инкогнито, а пользуясь признанием, какое принесли ей слава и титул. 3 октября княгиня была представлена королю и королеве, а спустя несколько дней ее сын — королю. ¹¹ Она, ее сын и дочь (теперь уже г-жа Щербинина, но расставшаяся с мужем) сразу же увлеклись светской жизнью. Например, вечером того же 3 октября Дашкова «была в сценической ложе театра Дрюри-лейн и привлекала к себе взгляды всей публики», в то время как сама она, надо думать, следила за судьбой «Красивой грешницы» Николаса Роу. ¹² Она возобновила дружеские отношения с известным корсиканским патриотом генералом Паоли и тщетно пыталась повидаться с президентом Королевского общества сэром Джозефом Бэнксом. ¹³ В течение трех недель ее пребывания в Лондоне русский художник и гравер Гавриил Скородумов, занимавшийся в Королевской академии с 1773 г., нарисовал портрет княгини и ее детей. Сделанная по рисованному портрету княгини гравюра пунктиром была отпечатана в Лондоне с датой 22 октября 1777 г. и стихотворной надписью:

Polite as all her Life in Courts had been,
Yet Good as She the World had never seen. ¹⁴

Гравюра же всей семьи осталась незаконченной. ¹⁵ Примерно в середине ноября Дашкова отправилась в Шотландию, но путешествие было прервано остановкой в Истон Модит в Нортгемптоншире — имении ее друзей герцога и герцогини суссекских. Там она повстречала ирландца Эдуарда Вильмота, с дочерьми которого, сперва

¹⁰ *Diderot Denis*. Sur la princesse Dashkoff // *Oeuvres complètes*. Paris, 1876. T. 17. P. 487.

¹¹ *London Chronicle*. 1776. 1—3 October. V. 40. P. 328; 8—10 October. P. 350.

¹² *Ibid.* 3—5 October. P. 335. Пьеса, которую видела Дашкова, установлена по кн.: *The London Stage*. Carbondale, 1968. V. 5. P. 22.

¹³ См. письмо д-ра Соландера сэру Джозефу Бэнксу: *Banks Correspondence*, Department of Botany, British Museum (Natural History), D.T.C. 1, f. 133—134.

¹⁴ Любезная, какой была вся ее жизнь при дворах, однако такой доброй, как она, мир никогда не видел (англ.).

¹⁵ См.: *Комелова Г. Н.* Русский гравер Гавриил Иванович Скородумов: 1755—1792 // *Тр. гос. Эрмитажа*. Л., 1974. Т. 15. С. 44—45.

Мартой (1775—1873), а затем Кэтрин (ум. 1824), были так тесно связаны ее последние годы.¹⁶ Из Нортгемптоншира Дашкова отправилась на север, задержавшись по пути в замке Олнуик — усадьбе герцога нортумберлендского.¹⁷ В Эдинбург она прибыла 8 декабря и сняла дом в Новом городе вблизи или на Джордж стрит, хотя в своих воспоминаниях она предпочла заявить, будто поселилась в более романтическом обиталище — замке Голирудхауз, осененном тенью Марии Стюарт.¹⁸

Еще находясь в Спа в августе 1776 г., Дашкова начала переписку с Вильямом Робертсоном, известным историком и ректором Эдинбургского университета, и за первым письмом последовали еще два из Лондона от 9 октября и 10 ноября.¹⁹ Она излагала причины, по которым ею был избран Эдинбург, пыталась уговорить Робертсона, чтобы он лично наблюдал за занятиями ее сына, и отводила мысль о том, что ей следовало бы отложить его поступление в университет и обстоятельнее выяснить степень его образованности и возможности. Во втором письме она кратко излагала ход предшествовавших занятий сына, которые, по ее мнению, ему следовало продолжить в Эдинбурге в течение двух лет, или пяти семестров, чтобы обеспечить быстрое продвижение в последующей военной службе. Ее первое письмо сопровождалось письмом их общего знакомого Александра Уеддерберна, впоследствии первого графа Росслина, который представил Робертсону такой набросок характера княгини: «Тогда представьте себе благоразумную, открытую, добродушную женщину, сердечную в дружбе, не скрывающую своих антипатий, без подозрительности или страха, короче говоря, такую, что вы едва ли поверите, будто не знали ее всю жизнь, и добавьте к этим свойствам ясный и образованный разум».²⁰ Тот же Уеддерберн вновь писал 25 ноября, заверяя Робертсона, что у того «нет никаких оснований волноваться по поводу приезда княгини», но далее добавлял к своей предыдущей характеристике ее «некоторую долю тщеславия, особенно в двух вопросах: во-первых, по поводу силы своего ума и, во-вторых, — ее положения», и замечал, что с нею «желательно соблюдать некоторую церемонность».²¹

Робертсон по получении первого письма княгини решил обратиться за советом к одному из профессоров своего штата, который

¹⁶ См.: *The Russian Journals of Martha and Catherin Wilmot* / Ed. by Marchioness of Londonderry and H. M. Hyde. London, 1934.

¹⁷ *London Chronicle*. 1776. 14—17 December. V. 40. P. 584.

¹⁸ См.: *Scots Magazine*. 1776. December. V. 38. P. 476; см. также: Архив князя Воронцова. М., 1881. Кн. 21. С. 170. В этой книге «Архива» опубликованы написанные на французском языке автобиографические записки Дашковой (*Mop histoire*), которые неоднократно переводились на русский язык; ниже они цитируются по последнему переводу, опубликованному в кн.: *Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России* / Под ред. С. С. Дмитриева; сост. Г. А. Веселая. М., 1987. Далее в ссылках: *Записки*.

¹⁹ *National Library of Scotland, Edinburgh*. Ms. 3942, f. 269—270, 281—282, 287.

²⁰ *Ibid.*, f. 271.

²¹ *Ibid.*, f. 291, 292.

наиболее подходил для этого, — к Джону Робисону (1739—1805). Робисон до этого пробыл в России около четырех лет, сперва личным секретарем адмирала сэра Чарльза Ноулеса, которого Екатерина II пригласила реорганизовать русский военный флот, а затем профессором математики в Морском кадетском корпусе в Кронштадте. После избрания на кафедру физики в Эдинбурге он возвратился летом 1774 г. в сопровождении трех юных кадетов, ставших первыми русскими студентами в университетских списках. Отвечая Робертсону, Робисон дал вполне взвешенную оценку роли Дашковой в «революции» 1762 г. и ее «весьма необычного характера, проявляющегося как в больших врожденных способностях и умственном развитии, так и в благородных принципах». ²² Далее он высказал суждение, что для юного Павла было бы лучше, если бы его княжеский титул оставался неизвестным для окружающих и он жил бы у него вдали от матери; Дашкова, однако, не была склонна следовать этим советам. На самом деле она предвидела для себя роль всесторонней любящей матери-покровительницы, заменяющей упорного, гордого отца, мудрого наставника и ментора.

Вскоре князь приступил к своим занятиям и в течение последующих трех лет он заносился в списки слушателей курсов, которые читали Хью Блэр (дважды), Робисон (дважды), Брюс (дважды), Дугалд Стюарт (дважды) и Адам Фергюсон. Предметы, преподававшиеся этими профессорами: риторика, логика, физика, этика, математика — все они предусматривались в первоначальном честолюбивом плане Дашковой, равно как и химия, которую преподавал Джозеф Блек. В письме к Блеку, написанном по возвращении в Россию, Дашков упоминал получение от него «многие добрые наставления и всевозможные одолжения». ²³ В ответном письме Блек назвал профессора Фергюсона и другого старого знакомого Дашковой — Вильяма Гринфильда, красноречивого проповедника, которому предстояло сменить в 1784 г. Блэра на кафедре риторики и литературы. ²⁴ О близких Дашкову друзьях-студентах сведений не сохранилось, за исключением молодого ирландца Вильяма Дреннана, стяжавшего впоследствии известность поэта и политика. Дреннан замечал: «Князь Дашков весьма прилежно посещает занятия и совершенно растопил русскую грубость во французской учтивости». ²⁵ По общим отзывам, Дашков был образцовым студентом, прилежным и вежливым, но не производил впечатления сильной личности. Он постоянно находился под бдительным оком своей матери, внимательно следившей за каждым мгновением его жизни. «Чтобы у сына был некоторый отдых от занятий и практика в танцах, еженедельно я давала балы. Кроме того, по моему настоянию он ходил в манеж поупражняться в верховой езде и через день брал уроки фехтования у превосходного

²² Ibid., f. 301.

²³ Edinburgh University Library, Ms. Gen. 873/II, f. 90.

²⁴ Ibid., f. 92.

²⁵ Цит. по: *Hyde H. M. The Empress Catherine and the Princess Dashkov.* London, 1935. P. 148.

учителя, случайно оказавшегося в Эдинбурге». ²⁶ Дом Дашковой был открыт для друзей: «Два раза в неделю незабвенный Робертсон, Блэр, Смит и Фергюсон приходили ко мне обедать и провести время». ²⁷ Ее восхищение эдинбургскими учеными было искренним и безграничным: «Я познакомилась с профессорами, достойными уважения за ум, просвещенность и нравственность. Им были чужды самолюбие и зависть — удел мелких душ, они жили между собой, как любящие и уважающие друг друга братья, и было приятно находиться в обществе этих глубоко образованных людей, во всем согласных между собой; разговоры с ними являлись неисчерпаемым источником знаний». ²⁸

Прибытие Дашковой взволновало эдинбургское общество. Через несколько дней Джин, вдовствующая графиня Файф, писала сыну: «Здесь у нас русская княгиня, многие ходят посмотреть на нее, пожалуй, любопытство заставит и меня тоже пойти. Вчера она была на спектакле, дамы остались недовольны ее внешним видом, так как они ожидали увидеть нечто необыкновенно изящное, а она презирает наряды». ²⁹ Сама же Дашкова в январском письме следующего года говорит с нескрываемым восторгом о своем присутствии на спектакле «Школы злословия» Шеридана: «Я была принята публикою с великим биением в ладоши». ³⁰ Помимо театра Дашкова питала пристрастие к висту; один из корреспондентов Робертсона писал о ней: «Она умеет и любит играть несколько больше, чем это обычно принято в вашем (эдинбургском. — Э. К.) обществе». ³¹ В своих записках Дашкова вспоминает с особым чувством о добрых отношениях с герцогиней Беклю, леди Френсис Скотт, леди Лотиан и леди Мэри Ирвин. ³² Джозеф Блек впоследствии в письме к одному из своих корреспондентов отмечал «уважение и любовь», с какими вспоминали о ней в Эдинбурге, добавляя к списку ее друзей в университетском городе миссис Хантер Блэр и доктора Джеймса Хаттона, «который помогал вам составлять каталог вашей прекрасной коллекции дербиширских ископаемых». ³³

Несмотря на ее постоянные заявления о своей нужде, она тем не менее желала показать себя на словах, а при случае и на деле, великодушной и заботливой. В годы ее пребывания в Эдинбурге в эти «Северные Афины» приезжали и другие русские для занятий, и они попадали в поле ее зрения. Два весьма различных примера представляют Евстафий Зверев и Иван Шешковский. Зверев прибыл в Англию в 1776 г. в составе группы студентов для изучения сельского хозяйства, находившейся под наблюдением замечательного священника русской миссии в Лондоне Андрея Афанасьевича Самбор-

²⁶ Записки. С. 115.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 114.

²⁹ Aberdeen University Library, Ms. 2727, Tayler Papers 1/155.

³⁰ ИРЛИ, ф. 620 (А. А. Самборский), ед. хр. 92, л. 1 об.

³¹ National Library of Scotland, Ms. 3942, f. 292v.

³² См.: Записки. С. 115.

³³ Edinburgh University Library, Ms. Gen. 873/III, f. 36.

ского (1732—1815), но истинным его призванием была медицина, и это привело его в Эдинбург в 1777 г. Он страшно нуждался и голодал. С сочувствием не без примеси похвалы Дашкова писала о нем Самборскому: «Жалость, коя главной состав в моральной части моего существа, не дозволила мне оставить умирать голодною смертию бедного Зверева, лихорадка и не имея пищи, кроме земных яблок, его совсем почти сломила с ног. Я ему дозволила перейти жить у меня, почему он ни за квартиру, ни за пищу платить не будет; денег я дать не в состоянии, потому что и маленькие наши доходы не присылаются, а пока имею угол и краюху хлеба, всегда с удовольствием с земляком разделю, каков бы человек он ни был, но человечество не допустит его предать такой злой судьбине...»³⁴

Зверев, получивший в мае 1779 г. *gratis* — степень доктора медицины в старейшем шотландском университете города Сент-Андрус и затем вернувшийся в Россию, чтобы долгие годы служить там врачом, был по справедливости охарактеризован Дашковой как «человек обстоятельной и прилежной к наукам».³⁵ Не таким был Шешковский, сын жестокосердного обер-секретаря Тайной экспедиции Екатерины. Шешковский-отец, очевидно, просил Дашкову позаботиться о его сыне во время пребывания того в Эдинбурге. Но еще до прибытия в Шотландию Шешковский-сын успел разгневать русского посла, устроив себе увеселительную поездку из Лондона в Париж, а стоило ему поселиться в Эдинбурге, как он принялся искать развлечений в ущерб занятиям. Дашкова вскоре писала, что он игнорировал все ее советы, избегал встреч с нею и погряз в долгах; в пример его дурачеств она рассказывала, как «он на репетиции веревочного прыгуна, затеив сам по веревке танцевать, упал и себе лоб содрал и разбил, почему он и в Университет три недели не ходил...»³⁶ В глазах Дашковой положение ухудшилось еще тем, что Шешковский нанял прежнего репетитора ее сына, возбудившего против нее судебную тяжбу по поводу несправедливого, как он считал, увольнения.³⁷

После первого года занятий Павла Дашкова во время летних каникул Дашковы «совершили путешествие в Шотландские горы».³⁸ Это было во всех смыслах замечательное путешествие, необычное не только для русских того времени или иных иностранцев, но и для англичан. В самом деле, прошло только четыре года, с тех пор как Босуэлл уговорил сопротивлявшегося Джонсона совершить «путешествие на Гебридские острова». Рассказ Дашковой о ее путешествии, изложенный во французских письмах к ее подруге госпоже

³⁴ ИРЛИ, ф. 620, ед. хр. 92, л. 6—6 об.

³⁵ Там же, л. 12. Подробнее о Е. Ф. Звереве см.: Cross A. G. «By the Banks of the Thames»... P. 62—63, 66, 136—137.

³⁶ ИРЛИ, ф. 620, ед. хр. 92, л. 6. Подробнее об И. С. Шешковском см.: Cross A. G. «By the Banks of the Thames»... P. 134—135.

³⁷ См.: Cross A. G. Dispute with a Tutor: An Episode from Princess Dashkova's Residence in Edinburgh // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. 1991. September. № 19. P. 22—29.

³⁸ Записки. С. 114.

Морган, в сущности, еще неизвестен, и его перевод публикуется впервые в приложении к этой статье.³⁹

Дашковы выехали в двух каретах рано утром 25 августа 1777 г. и к вечеру достигли Инча, где остановились у Ситона, друга Дашковой. До этого они ехали вдоль залива Ферг оф Форт до Линлитгау, где хорошо позавтракали «в трактире, который англичанин счел бы отвратительным, француз — весьма посредственным, а шотландец назвал бы *clean and comfortable*». ⁴⁰ Затем они отправились посмотреть две промышленные, а не исторические достопримечательности современной Шотландии — большой канал Клойд-Форт, до завершения которого тогда оставалось семь миль, но рытье было приостановлено из-за недостатка средств, и знаменитый железоплавильный завод в Карроне, где ее больше всего поразили античные барельефы, украшающие чугунные каминные доски и печи, весьма притом дешевые. На следующий день путники отправились в замок Стерлинг, рассматривая по пути руины замка графа Мара в Оллоа и попытавшись встретиться с лордом Кеймзом, знаменитым философом и писателем, о котором княгиня с присущей ей язвительностью писала: «...известный множеством и изяществом своих сочинений, большая часть которых забыта». Кеймз отсутствовал, но княгиня и ее спутники обошли его имение Блэр Драммонд, «прогуляв несколько часов». Интересно отметить, что описание ландшафта у Дашковой весьма согласуется с преромантическими тенденциями эпохи. Она пишет: «Прогулки здесь очаровательны и места очень красивы. То тут, то там открываются руины старых замков, которые в самые отдаленные времена, полагаю, были столь же полезны, как необходимы теперь, придавая пейзажу романтический колорит. Прибавьте ко всему еще речку, что извивается так, будто стремится вернуться назад, и картина будет полной». На следующий день, когда они ехали в направлении Перта — проникнуться тем же духом ландшафтной эстетики, она отметила в одной из английских вставок, которые подчас делала: «Природа начинает менять свой облик, становясь мрачной и сухой». В Перте им была предоставлена хорошая гостиница, одна из лучших в Шотландии, из окон которой открывался вид на величественный новый мост через Тэй. В следующий раз они остановились в Инвере, где, взяв лодку, пересекли Тэй, чтобы обозреть обширные владения герцога Атолла в Данкелде. Долгий утомительный поход с целью посмотреть расхваливаемое здесь жилище отшельника был вознагражден видом поистине впечатляющего водопада, для которого княгиня избрала характерный эпитет эпохи — «возвышенный» (*sublime*), но здание в дурном вкусе принесло разочарование. «Наконец мы оставили это место, очарованное произведениями, какие постаралась создать природа, и испорченное произведениями искусства».

По контрасту следующие четыре дня, проведенные ими со ста-

³⁹ Ср. *Hyde M. H. The Empress Catherine and the Princess Dashkov. P. 140—147; Cross A. G. «By the Banks of the Thames»... P. 238.*

⁴⁰ Чистым и удобным (*англ.*).

рым, но жизнерадостным лордом Бредолбин в замке Тэймут, были сплошным наслаждением. Природа и вкус гармонично сочетались здесь повсюду, в том числе и в жилище отшельника, расположенном рядом с еще более достопримечательным водопадом. Большое впечатление произвели на княгиню заросшие мохом стены и мебель, покрытая оленьими шкурами, в этом, как оно названо, «очаровательном убежище». Она только была огорчена отсутствием хозяина, размышляя: «...ушел ли он молиться, совершал ли уединенные прогулки». Дни пролетали, заполненные каретными экскурсиями по обширному парку с посещениями различных храмов, носящих имена Аполлона и Венеры, и созерцанием видов, привлекательных и отнюдь не привлекательных. К последним относилось зрелище «странного и неприличного способа, какой употребляют местные жительницы для стирки белья»; хотя он, очевидно, распространен по всей Шотландии, описание его «шокировало бы вашу деликатность». Хозяин принимал их по-царски, произведя салют из двадцати четырех орудий так, чтобы они могли наслаждаться эхом, и призвав волынщика в полном горском облачении, чтобы он услаждал их слух маршами во время обеда.

В понедельник 1 сентября они неохотно вновь отправились в путь и, остановившись в жалкой гостинице селения Тиндрам, вынуждены были в течение трех часов сушить у огня солому, предоставленную им вместо матрасов. Еще хуже была ночь на 4 сентября в гостинице в Инверари, где несколько человек из графства Файф, учинив страшный шум, не дали княгине заснуть. По пути они наслаждались прекрасными видами вдоль озера Лок Аве, а затем Лок Файн, но дом герцога Аргайла не произвел впечатления на княгиню («ни замок, ни дворец, ни дом, ни павилион»), зато ей понравились красивые посадки деревьев в парке. Следующим длинным переездом был путь от Инверари до Думбартона, но он вел их «по самому печальному и непривлекательному краю, какой доводилось видеть», однако подходящему, чтобы оправдать строки английских стихов:

For here sits Melancholy, and around her throws
A Death-like silence, and a dread repose.⁴¹

Вид озера Лок Ломонд несравненно улучшил дело, и в сумерки они достигли Думбартона. Добрые старейшины города пришли на следующий день, чтобы предоставить князю Дашкову привилегии Думбартона, но текст записок не дает основания утверждать, что он их принял. Княгиня же была более озабочена тем, как попасть в замок Бьюкенен, усадьбу герцога Монтроза, и повидать еще красоты озера Лок Ломонд. В замке она провела несколько часов, читая различные документы, включавшие письма Карла I и Карла II, после чего путешественники отправились в Инч, где вновь воспользовались

⁴¹ Ибо здесь восседает Меланхолия и распространяет вокруг тишину, подобную смерти, и ужасающий покой (англ.).

гостеприимством г. Ситона. Вечером 7 сентября они вернулись в Эдинбург.

Повторить это путешествие ей уже не довелось, потому что в следующее лето она была вынуждена по нездоровью пить минеральные воды в английских курортных городах Бакстон и Мэтлок, а также принимать морские ванны в Скарборо. В своих записках она рассказывает, что ее сопровождала преданная госпожа Гамильтон, а затем посетила другая подруга, леди Малгрейв, когда, как уверяет нас княгиня, она «при смерти лежала в Скарборо». ⁴² Там же ее мельком видела Джудит, леди Милбенк, которая заметила, однако: «Говорят, она хорошо осведомлена и обладает сильным мужским характером, в чем я могла убедиться по ее внешности». ⁴³

В конце марта 1779 г. князь Дашков «выдержал на факультете искусств испытания, установленные уставом университета для кандидатов на степень магистра искусств», которая была ему присвоена после «публичных испытаний» 6 апреля. ⁴⁴ Княгиня с гордостью матери, выполнившей свои «обязанности и функции наставницы», так описывала его успех: «Стечение слушателей было огромным; его ответы по всем отраслям изученных наук оказались столь успешны, что вызвали аплодисменты (хотя это запрещено)». ⁴⁵ В число требований к соискателю степени входило написание латинской диссертации. И князь представил латинскую «Философскую диссертацию, посвященную трагедии», — изящное и краткое обозрение эмоциональных воздействий трагедии, где в пределах двух десятков страниц он умудрился сослаться на сочинения таких авторов, как Фонтенель, Эдмунд Берк, Джордж Кэмпбелл и Адам Смит, «*vir summi ingenii et singularis eloquentiae*», ⁴⁶ и в заключение привести гладко завершенную хвалу Эдинбургскому университету, шотландскому народу и англо-русской дружбе. ⁴⁷ Один экземпляр был послан в Россию Самуилу, архиепископу ростовскому и ярославскому. Того диссертация, однако, не заинтересовала, и он переслал ее молодому князю И. М. Долгорукому, который сам усиленно трудился над латинским синтаксисом, и в сопроводительном письме по-латыни заметил: «*Ejus stylus magnopere mihi arrisit. Ex animo vellem, ut ei palmam praeiperes*». ⁴⁸ 7 мая лорд-мэр Эдинбурга принял князя и присвоил ему титул почетного гражданина города. ⁴⁹ В начале июня семейство Дашковых покинуло шотландскую столицу в последний раз, но, прежде чем это состоялось, княгиня впечатляющим широким жестом подарила университету великолепную шкатулку с полной

⁴² Записки. С. 115.

⁴³ *Elwin M. The Noels and the Milbankes*. London, 1967. P. 122.

⁴⁴ Edinburgh University Library, College Minutes 1733—1790, f. 286—287.

⁴⁵ Записки. С. 116.

⁴⁶ «Муж в высшей степени талантливый и исключительно красноречивый» (лат.). *Dissertatio philosophica inauguralis, de Tragoedia*. Edinburgh, 1779. P. 21, 23.

⁴⁸ «Его писание весьма меня насмешило. От души хотел бы, чтобы ты перехватил у него пальмовую ветвь» (лат.). Соч. Долгорукого (кн. Ивана Михайловича)/Изд. А. Смирдина. СПб., 1849. Т. 2. С. 539.

⁴⁹ *Scots Magazine*. 1779. July. V. 41. P. 398.

коллекцией русских медалей, выпущенных от рождения Петра Великого в 1672 г. до рождения будущего царя Александра I в 1777 г. Сенат обязал Робисона произвести подробное описание коллекции, но спустя четверть века после его смерти были обнаружены только два листа бумаги, содержавшие, по-видимому, «все, что он сделал для составления каталога». ⁵⁰ Коллекция же по-прежнему находится в университете. ⁵¹

Теперь Дашкова смогла осуществить еще одно давно желанное путешествие в Ирландию, наслаждаясь обществом своих ближайших подруг госпожи Гамильтон и госпожи Морган. Дневник этого путешествия, в отличие о двух предшествующих, утрачен, но из ее записок можно узнать, что она там делала, кого видела; там же отразился ее восторг от пребывания в Дублине, которое «и поныне представляется счастливым сном», и от веселого и любезного общества. ⁵² Сперва она поехала на север, в графство Антрим, посмотреть местную достопримечательность — Мостовую гигантов, образованную вулканическими базальтовыми породами и кажущуюся вымощенной гигантскими плитами, а затем поселилась в Дублине на многие месяцы. Жизнь свою и детей она устроила здесь так же, как прежде в Эдинбурге: наняла учителя танцев и преподавателя итальянского языка и договорилась с профессором Гринфилдом о продолжении занятий сына греческим языком и латынью; она ходила в театр и каждую неделю давала бал. Среди новых друзей, заведенных ею, особо выделялась леди Арабелла Денни, известная своей ученостью и благотворительностью, которая среди прочего умудрилась воспользоваться музыкальными склонностями Дашковой. Последняя сочинила музыку для четырех голосов на слова любимого гимна леди Денни; этот гимн затем «был исполнен в церкви в присутствии большого собрания верующих, которым любопытно было послушать, что сочинил русский медведь». ⁵³ (Между прочим, в предшествовавшем году «русский медведь» Дашкова переписывалась с Дэвидом Гарриком и послала ему сочиненную ею музыкальную пьеску, а он исполнил ее к восторгу «небольшой аудитории»). ⁵⁴ К концу своего пребывания Дашкова посетила Килкенни и Килларни в западной части страны и Корк и Лимерик — в южной. 12 мая 1780 г. она покинула Ирландию и высадилась в Холихеде, что позволило ей бегло взглянуть на Уэльс, где она обнаружила, в духе ее впечатлений от Северной Шотландии, «виды — самые романтические». ⁵⁵

⁵⁰ Edinburg University Library, Ms. Da. 1. 30/7.

⁵¹ См.: Cross A. G. Edinburg University's Cabinet of Russian Medals / Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. 1973 September, No. 1. P. 27—28.

⁵² Записки. С. 116

⁵³ Там же.

⁵⁴ Письмо Гаррика опубликовано в кн.: The Memoirs of the Princess Daschkaw, Lady of Honour to Catherine II... / Ed. from the originals by Mrs. W. Bradford. London, 1840. V. 2. P. 136—137 (В. Брэдфорд — урожденная Марта Вильмот). Соответствующее письмо Дашковой опубликовано: The Private Correspondence of David Garrick... / Ed. by J. Boaden. London, 1832. V. 2. P. 314.

⁵⁵ Записки. С. 117.

В последующих ее записках в основном отразились живые впечатления от милостивого приема, оказанного ей Георгом III и королевой Каролиной; с последней она соперничала в наслаждении материнством.⁵⁶ Но там совершенно не упоминаются знаменательные события, произошедшие в Лондоне в начале июня, антикатолические волнения, так называемый бунт лорда Гордона; между тем с этими событиями ее имя нередко связывалось, по крайней мере Хоресом Уолполом. В ночь со 2 на 3 июня бунтовщики разграбили часовню посла Сардинии маркиза ди Кордона на Дьюк стрит в Линкольнз Инн Филдз, причем в числе тринадцати человек, арестованных на месте преступления, был русский офицер. Через несколько часов после «поругания святыни у Кордона» Уолпол сообщил графине Аппер Оссори, что «один из схваченных — русский офицер, имеющий наглость заявить о своем знакомстве с сардинским посланником и настаивающий на освобождении. Кордон ответил: «*Oui, Monsieur, je vous connaissais, mais je ne vous connais plus*». ⁵⁷ Не знаю, связан ли он с Талестрис, ⁵⁸ которая, видно, нюхом почуяла революцию». ⁵⁹ На следующей неделе у него уже не было сомнений. «Эта скифская героиня княгиня Даскоу здесь, — писал он, — а ее незаконнорожденный брат Рантцо был взят в часовне местье Кордона, но Симолин (русский посол Иван Симолин. — Э. К.) его смягчил и освободил. Сама же она в среду, я знаю, послала лорду Ашбернихему известие, что его дом намечен на разрушение, милосердная тигрица! Это доказывает, что он не император». ⁶⁰ Вопреки инсинуациям Уолпола, было, однако, чистой случайностью то, что Дашкова с семейством вернулась в Лондон как раз тогда же, когда ее единокровный брат приехал из России, по-видимому, как дипломатический курьер. Рантцо — это на самом деле Александр Романович Ронцов, незаконный сын отца Дашковой от его английской любовницы Элизабет Брокетт, и его причастность к бунту вызвала замешательство не только среди членов его семейства, но и в русском правительстве, получившем официальную жалобу. Екатерина не скрывала своего недовольства по поводу происшедшего и заявила английскому послу, что «хотя он (Ронцов. — Э. К.) избежал правосудия в Англии, оно ожидает его здесь и встретит его, как только он ступит на землю ее империи». ⁶¹ Из последующих донесений выясняется, что Ронцов по возвращении был арестован и допрошен, но «из допроса ничего не выяснилось, кроме большой его глупости и сильной склонности к бунту и раздору». ⁶²

⁵⁶ Там же; London Chronicle. 1780. 25—27 May. V 47. P. 506.

⁵⁷ «Да, местье, я знал вас, но я вас больше не знаю» (фр.).

⁵⁸ Уолпол называет Дашкову именем легендарной царицы амазонок.

⁵⁹ H. Walpole's Correspondence. V. 33. P. 179.

⁶⁰ Ibid. V. 29. P. 59—60.

⁶¹ Diaries and Correspondence of James Harris, First Earl of Malmesbury. London, 1844. V. 1. P. 321.

⁶² Ibid. P. 330. Подробное исследование этого происшествия с привлечением других материалов того времени см.: Cross A. G. A Russian in the Gordon Riots / Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. 1973. September. № 1. P. 29—36.

Дашкова тем временем продолжала ознакомление с достопримечательностями Англии. В конце июня она спустилась со своей «татарской ордой» в имение Уолпола Строберри Хилз, но сам Уолпол «прятался, не имея ничего, чем бы усладить ее, кроме старой лошади». ⁶³ Со своими детьми она посетила «все королевские дворцы», ⁶⁴ и случайным свидетельством их посещения Виндзора может служить неопубликованная гравюра замка, выполненная Павлом Дашковым по оригинальной акварели Пола Сэндби и хранящаяся ныне в Британкой библиотеке. ⁶⁵ По записным книжкам художника Джошуа Рейнолдса известно, что он несколько раз встречался с княгиней в конце июня — начале июля. ⁶⁶ Имеется и более позднее упоминание о том, что она владела «написанным сэром Джошуа портретом его племянницы, который она считала его шедевром и даже не позволила ему восстановить выцветшие краски». ⁶⁷ В конце июля Дашкова со своим семейством совершила поездку в Бат и Бристоль, а затем, проведя несколько дней в столице, навсегда покинула Англию в августе 1780 г.

После двух лет пребывания в Западной Европе она в 1782 г. вернулась в Россию, и ее дружественные отношения с императрицей были восстановлены. Она была назначена директором Петербургской академии наук, а затем президентом новой Российской академии. Она не замедлила использовать свою власть, чтобы воздать почести двум выдающимся эдинбургским ученым, которыми она так восхищалась. 28 января (8 февраля) 1783 г. Робертсон и Блэк были избраны почетными членами Петербургской академии наук, а Блэку вскоре было предложено переписываться с Академией по химическим проблемам. ⁶⁸ В своих последующих речах и сочинениях Дашкова старалась содействовать усвоению британской и в особенности шотландской системы образования. Примечательно также, сколько русских людей, обучавшихся ранее в Британии (С. Е. Десницкий, В. Н. Никитин, П. И. Суворов, В. П. Петров), были привлечены к деятельности Российской академии. В самом деле, Дашкова извлекла из своего британского опыта и постаралась воплотить в жизнь больше пользы, нежели ее сын Павел.

Хотя в 1781 г. его избрали (в юном возрасте, семнадцати лет) членом Королевского общества, ⁶⁹ он так и не оправдал своего обещания и надежд матери. На деле же ему предстояло проявить себя сумасбродствами, характерными для человека, старающегося ускользнуть от господства чрезмерно настойчивой и всемогущей матери. Несмотря на то что в царствование Павла I он был произведен в ге-

⁶³ H. Walpole's Correspondence. V. 33. P. 203.

⁶⁴ Записки. С. 117.

⁶⁵ British Library, Add. Ms. 39991, f. 7.

⁶⁶ Hilles F. W. Sir Joshua and the Empress Catherine // Eighteenth-Century Studies in Honour of Donald F. Hyde. New York, 1970. P. 268.

⁶⁷ Parkinson J. A Tour of Russia, Siberia and the Crimea 1792—1794. London, 1971. P. 72.

⁶⁸ Академия наук СССР. М., 1974. Кн. 1: 1724—1917. С. 273.

⁶⁹ Thomson T. History of the Royal Society. London, 1812. P. LVII.

нерал-лейтенанты и назначен военным губернатором Киева, карьера его не состоялась. В 1788 г., к огорчению матери, он женился на дочери приказчика, а позднее в Москве, где он стал предводителем дворянства, жил открыто со своей любовницей. Он умер скоропостижно в 1807 г. в возрасте 43 лет. Многие англичане, посещавшие Россию, знакомились с ним и обычно находили его «в высшей степени воспитанным и весьма благородным молодым человеком», хотя Иеремия Бентам заметил: «...слишком свободен в своих речах и переполнен тщеславием». ⁷⁰ Причиной его смерти, согласно утверждению одной свидетельницы, «были неудовлетворенные желания и другие страдания, угнетавшие его». ⁷¹

Отношения Дашковой с императрицей ухудшилось в последние годы царствования Екатерины, и княгиня уехала в свое имение в Троицком, где у нее были широкие возможности воплотить в жизнь восхищение «английским садом». Позднее, советуя брату Александру, как разбить сад в его имении Андреевском, она озаглавила письмо: «Репорт от вашего Аглинского садовника Дашкавой». ⁷² Ее воспоминания о Британии и переписке с английскими друзьями не раз поддерживали ее в пору отчаяния и разочарования, и она незамедлительно ответила на предложение ее друга миссис Морган, что Марта Вильмот могла бы провести некоторое время с нею в Троицком. Дружеские отношения, установившиеся у нее с Мартой, а позднее также с сестрой Марты Кэтрин, доставили ей немало радости в последние ее годы, и по настоянию Марты она начала в феврале 1804 г. свои записки, ставшие, пожалуй, самым долговечным ее памятником.

А в мае 1804 г. Марта также сделала список поденных записей княгини Дашковой «Небольшое путешествие в Горную Шотландию». В варианте записок, хранящемся в Британской библиотеке и послужившем оригиналом для двух английских переводов — Марты Брэдфорд (урожденной Вильмот) в 1840 г. и Кирилла Фитцлайона в 1958 г., содержится лишь утверждение, цитированное выше (см. примеч. 38), что путешествие состоялось. В варианте же, опубликованном в 1881 г. в книге 21-й «Архива князя Воронцова», добавлено следующее предложение: «Не буду их (Шотландские горы. — Э. К.) описывать, так как в конце моих записок будет приложено описание этой небольшой поездки, сделанное мною для моего друга госпожи Морган, приславшей мне впоследствии копию с него, которую она собственноручно переписала для меня». ⁷³ На самом деле оно не было приложено к запискам, и список, который госпожа Морган сделала для княгини с ее оригинала, не был опубликован в «Архиве князя Воронцова» и, видимо, отсутствует в архивах семейства Воронцовых, хранящихся в Москве и Санкт-Петербурге. Марта Вильмот, однако,

⁷⁰ Correspondence of Jeremy Bentham. London, 1971. V. 3. P. 480.

⁷¹ Записки. С. 341 (дневниковая запись Марты Вильмот от 22 января (н. ст.) 1807 г.).

⁷² Архив князя Воронцова. Кн. 21. С. 408.

⁷³ Записки. С. 114.

сделала список для себя и, возвращаясь в Англию, привезла его с собой, но по какой-то причине решила не включать его перевод и даже не упоминать о его существовании в своем издании записок. Ее список не был среди бумаг Вильмот—Дашковой, переданных на хранение либо в Королевскую академию в Дублине, либо в Британскую академию, а находился среди бумаг, оставшихся в семье, и в конце концов попал в распоряжение госпожи Эвелин Мариндин. Благодаря любезности госпожи Мариндин покойный Х. Монтгомери Хайд получил возможность использовать рукопись для описания шотландского путешествия в своей книге «Императрица Екатерина и княгиня Дашкова» (см. примеч. 25). В 1976 г. Х. М. Хайд сообщил мне, что госпожа Мариндин предоставила ему машинописную копию списка Марты Вильмот, и эту машинопись я использовал при написании книги «"У Темзских берегов": Русские в Британии восемнадцатого века» (см. примеч. 7). К сожалению, местонахождение самого списка Марты, как уверяет меня внучка госпожи Мариндин, в настоящее время неизвестно. Поэтому помещенный ниже текст дневника княгини воспроизводится по машинописной копии.⁷⁴ Французский язык текста имеет множество изъянов, которые, конечно, возникали в различные моменты изменчивой судьбы оригинала и его списков — переписывания госпожой Морган оригинала княгини; переписывания Мартой списка госпожи Морган; перепечатывания машинисткой списка Марты; но большая их часть представляется типичными ошибками Дашковой в грамматике и орфографии, обнаруживаемыми и в ее подлинных письмах. Тем не менее этот путевой дневник представляет несомненный интерес и ценность как для британских, так и для русских читателей, и он полностью заслуживает включения в «Записки» Дашковой, постоянно переиздаваемый труд замечательной женщины.

Перевод Ю. Д. Левина

⁷⁴ Бумаги покойного Х. М. Хайда были переданы в Государственный архив Северной Ирландии в Белфасте в начале 1990 г. Однако, как мне сообщили (письмо от 22 октября 1990 г.), машинописная копия «Небольшого путешествия» княгини Дашковой там отсутствует. Таким образом, моя ксерокопия этой машинописи оказывается единственным сохранившимся текстом.